

УДК 1.17

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА: ЦЕЛИ, ЦЕННОСТИ, АБСОЛЮТЫ

А.В. Тимофеев

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара

В статье анализируется специфика человеческого бытия как ценностного, осуществляется его рассмотрение с позиций аксиологии. Автор исходит из допущения, что в своей онтологической сущности ценностный мир представляет собой концентрацию ряда фундаментальных, предельных жизненных значимостей. Ценностные абсолюты определяются как «последние» установления, которые связаны с созданием человеком нематериального достояния через самоопределение и творчество. Обосновывается диалектическая взаимосвязь цели и ценности: цель проходит опредмечивание, материализацию, объективацию и реификацию через базирование на ценности, которая является «значимой», наделенной символическим смыслом. Человек трактуется как существо мотивированное, а человеческая природа (вне доминирующей поведенческой рефлексии) – как удовлетворяющая не требованиям среды, а проективным – целевым – реакциям на различные импульсы. Делается вывод, что понимаемая таким образом ценностная сфера не может изучаться через посредство формальной логики. Важнейшим условием ее конструирования должно стать введение понятия антропоориентированной или человекоразмерной ценности. Философия ценностных абсолютов может существовать только в виде абсолютного философствования, регулятивно опосредствующего само бытие человека.

Ключевые слова: человек, ценность, цель, ценностные абсолюты, аксиология, свобода, воля.

Бытие человека в своей сущности ценностно, а значит, аксиологично. Вне ценностного измерения оно утрачивает свою специфику и своеобразие, а осуществляющий его человек испытывает пустоту и тревожность своей бытийственности. Уточняя чувство беспредметного, нарушающего процесс протекания страха диффузного типа, П. Тиллих вводит следующую триаду тревог: тревога пустоты; тревога смерти; тревога судьбы [9, с. 35]. Анализируемая П. Тиллихом триада, вызванная утратой «скреп», определяющих бытие человека, и детерминирующая внутренний кризис, все же не компенсирует все его жизненные озабоченности. Кроме того, разрешая вопрос об обоснованности страстных тирад по поводу обеспокоенности человеческого бытия, следует учитывать, что они никогда не задаются логически. Поэтому и рассуждать о них в рамках логического подхода невозможно. По этой причине Б. Паскаль разрабатывал экзистенциально-чувствительную «логику сердца». Продолжил данную разработку П.Д. Юркевич, согласно которому «уразуметь сердцем – значит понять; познать всем сердцем – понять всецело» [12, с. 112].

Оценивая эти проекты, мы вынуждены констатировать, что замыслы не воплотились в какие-либо серьезные результаты. Более того, можно наблюдать своего рода обреченность при попытках сконцентрировать рассеянные потоки сознания при освоении «граничных», «последних», проблем человеческой боли по поводу своих жизненных забот [1, с. 8]. Такая обреченность выглядит непреодолимой из-за неположительного опыта традиционной метафизики, ограничивающей отражение ситуации человека в мире отражением триединой проблемы – мир, Бог, душа – и признающей немыслимость выхода из состояния ремиза. Трагизм ситуации может быть преодолен внутренней динамикой мысли; маневрирование в сфере ценностей вселяет некоторую надежду. Метафизическая триада «мир – душа – Бог» может быть переведена силой ассоциации в экзистенциальную триаду «жизнь – смерть – бессмертие». Эти три беспредельные вершины вмещают весь спектр тем экзистенции в своих бесконечных взаимосвязях.

Также необходимо введение соразмерной оценки целей; цель здесь является содержательной ссылкой на ценность, что позволяет материализовать столь значимую дееспособность ценности. Ценности – те же нормы, которые получены посредством естественного обобщения и сплочения эффективных, достижимых, материально выгодных стратегий действия. Базовая ориентация на них, реорганизация по ним целей, увеличивает обещание успеха. Дисквалификация регулирующей роли ценностей и дискредитация стандартов приводят к вырождению действия, находя выражения в поведенческом авторитаризме, волюнтаризме, анархизме, нигилизме.

Человек всегда управляет жизнью с помощью целей, – душа без цели «гибельна» [7, с. 32]. Только при наличии цели присутствует целесообразность и существует сам человек. Тревожно состояние, связанное с разрушением человечности, – оно характеризуется скачком в трансцендентное, а испытываемое при этом беспокойство касается последней, граничной, предельной цели. Традиционная метафизика ощущает победоносное упоение в рассуждениях о *causa finalis* и в отнесении к Богу. В свою очередь, аксиология предоставляет секуляризированный ответ на вопрос о судьбе человека в мире. Как независимый агент действия, он смертен, конечен и иллюзорен. Однако, будучи представителем сплоченного человечества, он, одновременно, бессмертен, бесконечен и неиллюзорен. Идентифицируя себя с родовым проектом, человек приобретает самоощущение выразителя глобального дела – идеолога общечеловеческой миссии.

Человеческое и родовое в индивидуе равновелики: проникновение родового в индивидуальное является свидетельством очевидного абсолютизма человечества в отношении отдельного человека. Значит, неоспоримо следующее:

– человек является индуктором частных целей; человечество – индуктором общих и тотальных целей, а также независимым законодателем целесообразности;

– человечество есть носитель всеобщего и общезначимого, которые реализуются через фокус всех целей; сопричастность родовой деятельности ведет отдельное действие к необходимости сообщения ему параметров целе-ценности;

– координирование уникальных целей и универсальных значимостей должно рассматриваться на языке антропо-, а не теодицеи: усваивая, разделяя и присваивая себе социальные ценности, человек относится к бытию и к себе «через мироотношение человечества». Только в этом случае его существование подчинено самооценке: «что из себя сам я сделал» [9, с. 41].

Тем самым имеем эпихейрему: *causa finalis* человеческого мира – это сам мир человека и все человечество в совокупности, овеществляющее свой целе-ценностный абсолютизм в императиве роста гуманитарности: человек, который приобщился к общеродовым культурным ценностям, уже не может не проявлять свою общеродовую культурную сущность. Мир ценностей представляет собой конденсат надэмпирических, внеконтекстуальных сверхситуативных значимостей, которые, соответственно, проявляются на эмпирическом, контекстуальном и ситуативном уровнях. Трактовка тех или иных ценностей в различных типах обществ – предмет изучения социологии. Известно, что любая культура отличается от всех прочих аутентичным набором ценностей, характеризующих особенности действий ее представителей.

Предметом аксиологии являются «не социальные ценностные суждения о благе и зле, а сама ценностная материя “благого” и “злого”; не суждения, а о то, что они имеют в виду и на что они направлены» [11, с. 264]. Благо и зло в узком смысле слова и как абстрактные образы не предметны; в них нет подлинно онтологического («плотского») выражения, но при этом они могут оказывать влияние на возможное онтологическое материальное выражение. Применяя фигуру «конститутивное – регулятивное», можно констатировать, что бытие ценностей не систематично, – оно не предполагает прямого созерцания, обозрения, чувственного охвата; его нельзя передать, с ним несоизмеримы фундаментальные категории (так, у М. Шелера фигурируют и «благо», и «зло»). Мир сообщает некие предельные значимости, имеющие идеальную репрезентацию положений, ориентируясь на которые, человек реализует свое бытие через олицетворение «высоких» возможностей.

По происхождению мир ценностей наделен рефлексией качества эмпирически регистрируемых целей. С функциональной точки зрения он предстает как неподдающийся доскональному научному объяснению способ регулятивного воздействия и деятельности. Комплексы ценностного мира передаются в ряду относительно внятной предикации вышеупомяну-

того «регулятивного способа» с использованием схематичного языка аппроксимирующих и асимптотических притяжений к состояниям граничного завершения в деятельностном обмирщении. Однако очевидно, что такой способ регулятивности бытия ценностей содержит эмпирическую материализацию в творческом осуществлении объектов чувственного мира – творении культурного миропорядка в соответствии с идеалами.

Таким образом, мир ценностей выступает как своеобразный агрегат:

– не частных, – отождествление высших ценностей с отдельными объектами ведет к идолотворчеству;

– не отрешенностей, так как достояния ценностного мира являются не безраздельностями «автономного разума», но обобщениями эффектов результативного использования разума в опыте;

– не проявлений бытия, но методов его полагания, которые обеспечивают причастие бытию через императивно-регулятивную интенцию;

– не интеллигибельностей (эссенциалий, ноуменов) и не сенсигельностей (феноменов, акциденталий).

Свободное человеческое действие (практический разум) формируется в сложной координации безусловных утверждений (ценностей) и условных целей. В итоге получается своего рода «обязывающий» факт, диспозиционно причастный миру ценностей, который воплощает сущность в явлении, надприродное в природном, сверхситуативное в ситуативном и т. д. Кроме того, при постижении непреходящей значимости ценностного мира в символическом бытии совершенно несостоятельными выглядят классические метафизические софизмы о единстве сущего и должного, объективного и субъективного, действительного и возможного, актуального и потенциального. Если Я нахожусь в ценностно-символическом мире, то в нем Я обязан не только «быть», но и «стремиться».

Тем самым конструируется «вдохновенный триумвират: ценность (символическая значимость) – интенция – благо (гуманитарная значимость)» [4, с. 87]. Грани этого треугольника связаны между собой, и эта связь оттачивалась веками, в ходе естественного социального отбора и обмена деятельностным опытом. Речь в данном случае идет о законах общеродового прогрессивного жизнеустройства. Отсюда следует, что индивидуальный микрокосм соединяется с общечеловеческим макрокосмом посредством включения в служение общему делу, которое состоит в беспощадном ценностно-символическом преобразовании человека как самого себя, так и мира в целом.

В своей онтологической сущности ценностный мир представляет собой «концентрацию ряда фундаментальных, конечных, предельных жизненных значений» [2, с. 70]. Однако «в парадигме ценностного мира значимости не постоянны во времени, – они разновременны в том смысле, что обнаруживают свои значения в конкретной контекстуальной актуализации. Учитывая это их универсальное свойство, можно утверждать, что они конечны в значении смыслового предела, чья монументальная действитель-

ность показывается моментально. Диалектика “монументальное – моментальное” увеличивает сущность идеала, подчеркивая под иным углом зрения значение той или иной выставленной в пределе установки» [2, с. 71]

Аксиология не постулирует возможности достижения человеческим разумом абсолютного и вечного, но признает за ним способность понимания регулятивного смысла. Такое понимание оказывается возможным в силу того, что любой творческий акт подспудно содержит в себе ориентацию на абсолютное и вечное и за счет этого выступает носителем совершенных вневременных качеств. «Постижение человеком абсолютного происходит через его взаимосвязь с относительным при помощи гносеологического или аксиологического метода. При этом идея корреляции фундаментальна: абсолютное познается через освоение относительного; а в креативной среде абсолютное достигается устройством относительного» [2, с. 74]. Независимо от отношений, взаимосвязи и действия, ценностные абсолюты ждут «своего часа» и затем проявляются через язык схем как «благое», «прекрасное» и др.

Ценностный мир являет собой универсальный фундамент бытия человека, значимость которого «слишком велика, чтобы во времена незрелости не сокрушить все разумные и осмысленные барьеры. Поэтому мы всегда с трепетом относимся к ценностным святыням, буквально боготворим их» [2, с. 75]. Однако следует признать, что в конкретных бытийных ситуациях мы, конечно же, далеки от мудрости ценностного мира. Наиболее почитаемыми для нас ценностями являются «Власть», «Богатство» и «Слава», которые, в то же время, обесцениваются вследствие их отстраненности от самовыстраивания. Достижение ценностями одной и той же экзистенциальной, умственной установки практически ничем не обусловлено.

Обращение «к небу», выражаемое формулой *surgum corda*, требует координирования жизненного ряда с сущностями идеального порядка, что не лишает их возможности непосредственного проявления и реализации в сфере реального человеческого бытия. Здесь ценностные абсолюты могут фигурировать в качестве неких «последних установлений», находящих свое реальное воплощение в конкретных смысло-жизненных формах и ситуативных проявлениях. Однако все эти частные формы выражения существенно упрощают их изначально философскую содержательную наполненность. В идеале проблематика ценностных абсолютов должна рассматриваться с позиций именно философского анализа, подкрепляемого обязательной критической рефлексией конкретных проявлений их опытно-практической реализации. Но при этом область идеально абсолютного не может быть результатом непосредственного объективирования. Она создается непосредственно самим человеком.

Сущностное преимущество человека, выходящее за пределы непосредственно органического, кроется в созидании им нематериального достояния через инновационное самоопределение и творчество. Обра-

тимся к Ж.-П. Сартру, который утверждал, что человек изначально «осужден на свободу». Мотивационное осознание человека проистекает из его «самоопределения через свободу», что упраздняет однобокий взгляд на него как на игрушку судьбы. Судьба выступает совокупностью «могущего состояться с ним и только с ним» [11, с. 342]. Но именно эта самая совокупность в своей приверженности к свободе создается самим человеком. Его свобода есть не отвлеченность, а креативный выбор, поэтому выбор, свобода и судьба должны быть исключены друг другом.

Порядок свободы создается по капитальным причинам – в соответствии с рядом целе-ценностных и семантических показателей. Именно поэтому общая человеческая родовая история рассматривается как отход от нормального состояния посредством культивирования искусственно созданной среды обитания. Смысл истории состоит в придании смысла тому, что является изначально бессмысленным, а также в возрастающей реализации свободы в продвижении человека от материального к нравственному, от естественного к культурному, от природного к человеческому. Речь идет о том, что человек является частью природы в границах своих физико-физиологических компетенций, но он как бы перекрывает ее границы в свободном самоутверждении, самовозвышении и творчестве. Истинная человечность определяется символическим типом самореализации в действительности не через приспособление к среде с помощью естественных реакций, но через приспособление среды к себе с помощью разного рода акций [3, с. 253].

В силу того, что в философском толковании полная свобода есть полный произвол, не существует свободы в обязательстве (проблема традиционной моралистики). Как следствие, антропосфера определяет согласованность разума (посредством рычагов различных промышленных технологий – механизации, машинизации, автоматизации, роботизации) и человека (посредством рычагов гуманитарных технологий – права, морали, обычаев, традиций). В таком процессе укрощение «слепых» природных стихий производится в целях выживания природы и человеческого рода. Г.В. Лейбниц указывал, что человеческие помыслы «направлены на то, чтобы сломать, а не построить» [6, с. 487]. Причем проблема здесь не в некоей изначальной ущербности человечности, не в глобальном разъединении, расколе или разложении нашей человеческой сущности и даже не в судьбоносном противоречии величайших глубин нашего естества (Ф. Шеллинг). Все заключается в том, что в различные мгновения нашего самоутверждения мы – разные.

Естественным назначением, основным призванием человека является постоянно совершенствующаяся самореализация, которая становится причиной и имеет собственную волю. Воля – это объединяющая функция души, стремящаяся активизировать жизненные ресурсы, направив их на реализацию замыслов, целей, мечтаний и интересов; исполнение самоорганизации деятельности, саморегуляции; осуществле-

ние сознательных побуждений, собственных решений; воплощение смысло-мотивационной области; выработку прогрессии поведенческих актов, которые овеществляют внутренне заданные параметры.

Известно, что источником деятельности в животном мире является объективная логика удовлетворения жизненных потребностей, основанная на инстинктивном поведении. Источником же деятельности в мире людей является субъективная логика целе-ценностного, мотивационного поведения, что отвечает символическим потребностям человека. В отличие от животного, он ищет воплощения внутренних устремлений, достигает совершенства. Вегетативная жизнь локализована задачей улучшения повседневной жизни. Невегетативная (строго гуманитарная) жизнь имеет целью отойти от материального, подчинить существование обмирщению идеального.

Внешнее и внутреннее при этом могут расходиться, что, в свою очередь, ведет к проблемам во взаимодействии человека с миром – природой, самим собой, другими людьми. Потенциальная конфликтность вырастает из волевого характера деятельности, что ведет к двусмысленности, многомерности, изменчивости человеческой природы, отличающейся амбивалентностью, разнообразием самостоятельных заявлений. Цели и ценности напрямую зависят от запросов и побуждений. И чем они (цели и ценности) возвышенней, тем больше несоответствие стремлений повседневной жизни тому, что человек может получить и реально получает от окружающих, что дает ему жизнь. Соответственно, не отвечающий идеалам, диссонирующий с желанным мир выступает для человека объектом преобразований, как бы предорганизуемым концентрацией его воли.

Комбинация понятий «свобода» и «воля», применяемая к человеку, предполагает его понимание как нерелефторно самопроявляющегося существа, демонстрирующего тенденцию к неограниченному расширению самореализации через самосовершенствование. Это также стимулирует трактовку человека как существа мотивированного – человеческая природа (вне доминирующей поведенческой рефлексии) удовлетворяет не требованиям окружающей среды, а проективным – целевым – реакциям на различные импульсы. При этом цель проходит опредмечивание (обмирщение), материализацию, объективацию, реификацию через базирование на ценности, которая является «значимой», наделенной символическим смыслом.

Связь категориальной пары «свобода – воля» с категориальной парой «цель – ценность» ведет к решению важной концептуальной задачи интенциональных ресурсов: свобода, реализованная через цель, воля и ценность находят определение в намерении и выборе, согласующихся в должествовании, на базе которого конструируется смысловая основа достижения: деятельностный смысл не берется извне, – он отвечает потребностям, запросам, интересам человеческой практики. В подобном случае пропадает потребность в учении о судьбе. Человек становится сценари-

стом собственного бытия, аутентичным, самодетерминируемым творцом своей участи. Его доля – в его руках. Таким образом осуществляется перемещение отражения из плоскости теории в плоскость практическую, указывающую человеку что делать, чего хотеть и для чего жить [8, с. 93].

Интересную идею в этом аспекте выдвигает И. Кант: «...без людей все творение было бы пустыней, существующей напрасно и без конечной цели» [5, с. 285]. Не касаясь аутентичного контекста, можно перспективно истолковать данную кантовскую идею с точки зрения активации человечности: человек генерирует и материализует независимые цели. Как говорил М. Шелер, сконцентрированное самосознание, способность к опредмечиванию составляют «одну единственную неразрывную структуру, которая как таковая свойственна лишь человеку» [11, с. 156]. Исходя из такого посыла, обнаруживаем возможность соединения естественного и искусственного, природы и культуры. В материализации целей, организации целемерной рукотворной реальности история воплощает свободу, которая оказывается судьбой. Пределы неорганики, органики, надорганики становятся как бы единой сферой, постоянно порождающей новые устройства и феномены.

Следует также обратить внимание на базовые аристотелевские выражения, связанные с познанием. Стагирит считал подлинно человеческим *noys praktikos* – разумное созидание, в котором можно выделить «делание» как рациональную продукцию вещей и «действие» как акт нравственного выбора. Следовательно, Аристотель различал *poiesis* и *pratto*. В границах «делания» он помещал *praxis* – деятельность с целью в себе (с опорой на самодостаточную целевую основу) – и *poiesis* (мимесис) – искусство воспроизведения подражания в созидании артистических предметов (жанровый захват характера). Понятно, что в контексте проводимого рассмотрения нас интересует рациональное продуцирование вещей в системе *praxis*, а именно в системе *proairesis* (речь идет о действиях, совершающихся на основе рационального выбора).

Свобода дает человеку возможность иметь символический план. Наша воля его прорабатывает до гиперболизации интереса, напряжения усилия, а действие его заверяет в производстве вещественных смыслов. Выработанные и зарекомендовавшие себя технологии седиментируются, т. е. оседают в традиции: традиция при этом выступает в качестве подражания и повторения, а седиментация находит продолжение в культуре, являющейся своего рода поведенческим анамнезисом. Внушение со стороны идеального прошлого насыщает материальное будущее.

Животворная сила естественного отбора эксплуатируется стандартной генеалогической модификацией, определяется согласованием доброкачественных целей с отвлеченными от них столь же доброкачественными ценностями: отработка мотивационно-волевой модели поведения проверяется традициями практического гуманизма. На фоне опосредования формирующейся гуманитарной традиции и культурного ро-

ста идея транспарентности «целей – ценностей» предстает действенной в конструировании некоего принципиального представления об определенном принципиальном решении.

На локальном уровне выявляется частичная абстиненция (аболиция) – преднамеренное изъятие целей из ведения ценностей. На общемировом – раскрывается тотальная законная абстиненция: ценности и цели свидетельствуют о рационализме, совершенности разовых актов (поступков, шагов), но не подтверждают рациональность и совершенствование всей деятельности в целом. Поэтому перспективное представление транспарентности «целей – ценностей» требует конкретизации в области эвристического удостоверения нормологии – общей и частной деонтологии.

Признание согласованности целей – ценностей в действии человека является результатом технически обоснованной, но чрезвычайно сильной поисковой техники. Такая техника требует количественной идентификации ссылок на процессы универсализации модели: регуляризации, линеаризации, ординаризации, приводящих разнообразие к единству. И здесь возникает вопрос: являются ли концептуальные унификации эмпирически адаптивными, поддающимися проверке? Любой эпистемологический опыт основан на необходимости гармонизации теории и эмпирии. Учитывая данный императив, локальная деонтологическая модель соответствия (целей – ценностям) сталкивается с контр-примерами. Так, индивид и государство действуют несовершенно: первый – неискренне (лицемерность); второе – корыстно (по потребностям не граждан, а институтов). Государство само по себе предоставляет свободу мысли, но не действия. Следовательно, дар милосердия, любви, добродетели используется не по назначению.

Расхождение целей и ценностей в межсубъектной коммуникации и взаимодействиях влечет сбой и неудачи аксиологической сферы во все более широкой деятельности и в своем кульминационном проявлении порождает, например, маккиавелизм, характеризующийся полным отсутствием соответствия между поведенческими факторами и практическим гуманизмом. Современные девиации по поводу ценностных универсалий, как, впрочем, и абсолютизм целевых установок, порождают тоталитаризм, бюрократизм, эстетизм, сциентизм, экономизм, политизм, консьюмеризм, дидактизм. Получается, что локальная деонтология может сложиться и состояться посредством рационализации, целевой и ценностной унификации «конкретных действий».

Переходя на тотальный деонтологический уровень, вспомним слова С.Л. Франка: «...философия должна быть обновлена сближением ее с жизнью, – не с жизнью текущей внешней, чувственной, – что есть для нее всегда падение, а с глубочайшей, и вечной основой жизни...» [10, с. 40]. Речь здесь идет не о жизни (атеоретичной, неординарной, не-системной), но о «глубочайшей и вечной» ее основе, о некоем процессе

создания фундамента жизни. В рамках данного проекта такие ценности, как неуниверсальность, неаподиктичность, неномологичность, подрывают саму идею регулятивности. Они состоят из слабой, неадекватной, несовершенной ментальной конструкции возможного как должного, относительного как абсолютного. Поэтому, вполне успешно решая конкретные задачи по регулированию определенных действий, локальная нормология оказывается не в состоянии осуществить сходные функции в случае с решением надситуационных задач, затрагивающих регулирование родовой деятельности в целом.

Теория родовых ценностных универсалий основана на той фундаментальной предпосылке, что жизнь подчиняется преследованию не собственной и даже не групповой, но общечеловеческой цели. В данном случае единственно рациональным является переход от необозримой ценности к обозримой цели. Создаваемое в нашем акте антропное бытие – это бытие целепорожденное и ценностно-воплощенное [1, с. 10]. Это также бытие смыслоприемлющее, так как создается по человеческим проектам необходимого, желаемого, и смыслодающее, поскольку используется в соответствии с человеческими ценностными ориентациями и соответствует социокультурным понятиям жизненной состоятельности.

Все социокультурные этапы, ступени, эпохи обеспечивают конкретную интерпретацию ценностей в форме регулярных постановлений, интенций на желательное, допустимое, приемлемое, правомерное, запрещенное, разрешенное, обязательное. Последнее (с помощью нормирующего поля санкций, диспозиций, условий действия) дает возможность поддерживать в социальной среде равновесие, упорядочивать и гуманизировать взаимодействие.

Ценностная сфера не изучается и не выражается через посредство формальной логики. Деятельностное «волшебство» ценностей – это очарованность тем, «что душу волнует, что сердце томит», происходит от практической силы, обстоятельства высоких адаптированных целей, экстрагируемых линией благополучия жизни при ориентировке на высокие образы, гуманитарно обусловленные стандарты самоутверждения. Следовательно, мотивированная и мотивирующая деонтология становится возможной при помощи эвристической эксплуатации одного лишь понятия – понятия антропоориентированной или человекоразмерной ценности.

Список литературы

1. Гурьянова А.В., Фролов В.А. Духовность как феномен бытия человека // Духовно-нравственное воспитание. 2018. № 6. С. 6–11.
2. Ильин В.В. О природе ценностного мира (Wertswelt) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2016. № 3 (35). С. 70–76.
3. Ильин В.В. Теория познания. Симвология. Теория символических форм. М.: Изд-во МГУ, 2013. 384 с.

4. Ильин В.В. Теория познания. Философия как оправдание абсолютов. В поисках *causa finalis*. М.: Проспект, 2015. 272 с.
5. Кант И. Сочинения: в 8 т. М.: Мысль, 1994. Т. 5. 560 с.
6. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. 562 с.
7. Монтень М. Опыты. Избранные произведения: в 3 т. М.: Голос, 1992. Т. 1. 384 с.
8. Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. 822 с.
9. Тиллих П. Избранное. М.: Юрист, 1995. 479 с.
10. Франк С.Л. Кризис современной философии // Русская мысль. 1916. № 9. С. 40–61.
11. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.
12. Юркевич П.Д. Философские произведения. М.: Правда, 1990. 670 с.

AXIOLOGICAL DIMENSION OF HUMAN BEING: GOALS, VALUES, ABSOLUTES

A.V. Timofeev

Samara State Technical University, Samara

The article analyzes the specificity of human being as valuable, considers it from the standpoint of axiology. The author starts from the fact that a world of values in its ontological essence looks like a concentration of a number of fundamental, ultimate vital values. Value absolutes are defined as the «last» institutions, connected with creation of intangible assets through self-determination and creativity of the human. The author notes the dialectical relation between the goal and the value: the goal goes through objectification, materialization and reification through basing on the value which is «significant», endowed with symbolic meaning. The human is interpreted as someone who is motivated, and the human nature (outside the dominant behavioral reflection) – as satisfying not the requirements of the environment, and projective – purposeful – reactions to various impulses. It's concluded that the value sphere can't be understood from the standpoint of the formal logic. Philosophy of value absolutes can exist only in the form of absolute philosophizing, regulating and mediating the whole human being.

Keywords: *person, value, goal, value absolutes, axiology, freedom, will/*

Об авторе:

ТИМОФЕЕВ Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных развивающих образовательных систем и технологий ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail: timofeev_av@list.ru

Author information:

TIMOFEEV Alexander Vadimovich – PhD in Pedagogics, Associate Professor of the Department of Information Developing Educational Systems and Technologies, Samara State Technical University, Samara. E-mail: timofeev_av@list.ru